Елена Л. Б е р е з о в и ч (Екатеринбург) – Галина И. К а б а к о в а (Париж)

«ФРАНЦУЗЫ» И «РУССКИЕ» В ЗЕРКАЛЕ ЯЗЫКА: ВЗАИМНЫЕ ОТРАЖЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭТНОНИМИЧЕСКИХ И ТОПОНИМИЧЕСКИХ ДЕРИВАТОВ)[1)]

THE FRENCH AND THE RUSSIANS IN THE MIRROR OF LANGUAGE: MUTUAL REFLECTIONS (WITH REFERENCE TO ETHNONYMIC AND TOPONYMIC DERIVATIVES)

The article analyzes certain lexical units of the Russian and French languages which function as semantic and morphological derivatives of ethnonyms and macrotoponyms: in Russian – derivatives of the ethnonyms *француз*, *галл* and toponyms *Франция*, *Париж*; in French – derivatives of the words *Russe*, *Russien* 'Russian', *Cosaque* 'Cossack' → 'a Russian soldier' → 'Russian', *Moscou* 'Moscow', *Moscovite* (archaic) 'an inhabitant of Muscovy, Russian'. Additionally, the article focuses on set expressions containing the above-mentioned words. Considering this material, the authors conduct a contrastive study of cultural and linguistic images of the French and the Russians (in Russian and French, respectively). The article studies the following thematic spheres of secondary semantics: "Character traits, behaviour"; "Diseases"; "Appearance"; "Language"; "The quality of life, welfare"; "History". The authors reveal the motivation of language facts, analyze the evaluative components in their meaning and draw conclusions about the main patterns in the development of the images of the nations in question.

Keywords

ethnonymy, toponymy, semantic derivation, lexical motivation, dialect vocabulary, Russian, French

История контактов Франции и России ярка и разнообразна, в ней чередовались периоды ожесточенного военного противостояния – и военно-политического союзничества, сильнейшей галломании и некоторой русофилии – и охлаждения народов этих стран друг к другу etc. Это создало предпосылки для формирования взаимных культурно-языковых образов – француза в русском языке, русского во французском.

Эти образы обширны и многогранны; они становились и впредь не раз будут объектом исследований лингвистов, литературоведов, фольклористов, культурологов. При этом они недостаточно изучены «в столкновении», контрастивно.

[1)] The work was performed as part of the program of competitiveness Ural Federal University (2013–2020), research group "People's linguistic tradition as a source of historical and cultural information (Russian North, Middle Urals, Upper Volga)."

Именно сопоставительное исследование, предполагающие прояснить логику «взаимного отражения», будет предпринято в настоящей статье.

Мало изучено также ядро языковых образов – те системно-языковые факты, во внутренней форме которых есть прямое указание на «русскость» или «французскость». Они и будут рассматриваться в настоящей статье. Для анализа отобран лексический материал, удовлетворяющий следующим условиям: в русском языке – семантические дериваты от этнонимов и топонимов *француз* (с учетом образований от диалектных или устаревших основ *хранц-*, *пранц-*, *франч-*, *фрянк-*), *галл* ‘устар. француз’, *Париж*; во французском языке – производные от слов *Russe*, *Russien* ‘русский’, *Cosaque* ‘казак’ → ‘русский военный’ → ‘русский’, *Moscou* ‘Москва’, устар. *Moscovite* ‘житель Московии, русский’. Не берутся лексические факты, производные от более «узких» наименований (обозначений Санкт-Петербурга, Урала, Волги, Прованса, Сены и др.).

Кроме того, учитываются устойчивые сочетания, включающие указанные выше слова: диал. *как француз воевал* ‘о беспорядке’, *boire à la russe* (пить по-русски) ‘выпивать одним глотком водку’, *faire l’amour à la cosaque* (заниматься любовью на казацкий лад) и т. п. В приведенных примерах есть определенная (более или менее высокая) степень идиоматичности, но имеются такие устойчивые сочетания (чаще всего атрибутивные конструкции), где идиоматичность минимальна: *французская учтивость*, *галльская дерзость* etc. По отношению к ним принято такое решение: принимаются в расчет те сочетания, которые частотны, а также обладают смысловой «достаточностью»,[2)] не требуют пояснений.

Изучаемые сочетания далеко не всегда фиксируются словарями (в том числе фразеологическими), поэтому авторы статьи широко использовали для извлечения и верификации материала текстовые корпуса – Национальный корпус русского языка НКРЯ и Frantext.[3)]

К анализу привлекается также онимический материал – антропонимы (индивидуальные и коллективные прозвища), а также топонимы, образованные от

[2)] Об использовании этого критерия при изучении национальных стереотипов, отраженных в сочетаниях типа *английская чопорность* или *французская галантность* (но не **русская аккуратность*), см. в В. А. Плунгян – Е. В. Рахилина, «С чисто русской аккуратностью»: к вопросу об отражении некоторых стереотипов в языке, Московский лингвистический журнал 2, 1996, с. 340–351.

[3)] Примеры, извлеченные из этих источников, не паспортизируются; «по умолчанию» предполагается, что русские контексты приводятся по Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Электронный ресурс]. URL: http://ruscorpora.ru/ а французские – по (Frantext).

указанных выше основ. Логика отбора онимического материала – та же, что апеллятивного. К примеру, не будет учитываться *Французская Горка* в Челябинской области, где французская компания вела добычу асбеста: данный топоним не содержит память о знаковых событиях и не отражает какой-либо коннотативный смысл прилагательного *французский.* По такой же логике не будут привлекаться к анализу такие названия, как *Cité-Russe* (Русский городок) – квартал, построенный в Моншанэне для русских рабочих металлургического завода Шнейдера; *Petite Russie* (Малая Россия) – группа домиков, выстроенных на крыше таксопарка в Париже для русских эмигрантов-таксистов и др. Однако будут рассматриваться, к примеру, те названия, которые связываются в народном сознании с войной 1812 г. (*Французская Могила*, *Французова Новина* и др.).

Важный вопрос, связанный с отбором материала, касается форм существования языка и дискурсивных пластов, к которым относятся изучаемые лексические единицы. Авторы нацелены охватить разные подъязыки внутри изучаемых национальных языков, но в первую очередь ориентируются на народную традицию, которая представляется наименее изученной, хотя содержит сведения, наиболее ценные для реконструкции этнических стереотипов. Отсюда установка на возможно более полный учет данных русских и французских диалектов. Привлекаются факты просторечия, жаргонов и литературных языков, но при этом у нас нет установки включить в работу слова и фразеологизмы сугубо книжной традиции.

Среди производных от изучаемых этнонимов и топонимов (а также устойчивых сочетаний с их участием) есть лексические единицы, относящиеся к различным тематическим группам. Для настоящей публикации отобраны те факты, которые характеризуют взаимные наивно-языковые представления о человеке (социальном и физическом) и истории взаимоотношений между странами: эти тематические блоки лексических единиц обнаруживают тесную смысловую связь друг с другом.

Материал распределен по следующим рубрикам: ▪ Черты характера, поведение; ▪ Болезни; ▪ Внешний вид; ▪ Язык; ▪ Уровень жизни, благосостояние; ▪ История.

В каждой рубрике сначала приводится русский материал, затем французский (в некоторых случаях частные рубрики оказываются представленными данными только одной языковой традиции).

ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА, ПОВЕДЕНИЕ

Русский язык. Характеризуя поведение француза, русский литературный язык отмечает, среди прочих, этикетные черты – *французскую учтивость*, *веж-*

ливость, *галантность*, *любезность* (последняя сочетается также с прилагательным *галльская*).[4] В народном языке эти черты не выделены, – напротив, замечены драчливость, хулиганство: заурал., перм. *парижáн* ‘*шутл*. хулиган’,[5] *французы* – прозвище жителей деревни Андричевская Вельского р-на Архангельской обл.: «У нас народ настырный, задумают что сделать – так всё наше; вот нас французами и прозвали»;[6] ср. также: «*Француз сорвиголова*, живет спустя рукава, шилом бреется, дымом греется».[7] Драчливость французов прочитывается и в переосмысленном книжном прозвище *галльский петух* ‘перифрастическое наименование Франции и французов’,[8] ср.: «*Галльские петухи* в красных штанах, на далеком европейском Западе, заклевали толстых кованых немцев до полусмерти» <М. А. Булгаков>. Другое проявление «петушиного» поведения французов, отмеченное в литературном языке, – заносчивость, ср. выражение *французик из Бордо* ‘о заносчивом, хвастливом иностранце’,[9] которое является цитатой из комедии Грибоедова «Горе от ума».

Черты «хулиганского» поведения французов названы в мотивировках к прозвищам: *франчу́ги* (*Франция*) – жители деревни Раскатаево Даровского р-на Кировской обл.: «Питухи такие, пить любили и лошадей меняли – Франция!»,[10] *Француз* – житель деревни Полежаево Никольского р-на Вологодской обл.: «Лихой парень, фулюган: как выпьет, так и бегает по деревне, орет благим матом».[11] В литературной традиции «лихость» может уточняться как дерзость и пылкость: «В Англии – законы, в Германии – орднунг, во Франции – *галльская дерзость*, а у нас – барские капризы…» <Б. Васильев>; «Выпьем этого храброго,

---

[4] «– После вас, – с чисто *галльской любезностью* поклонился англичанин <…>» <А. Т. Аверченко>; «Он поздоровался с Ростопчиным с той особой изысканной учтивостью, которая создала в мире штампованное слово “*французская учтивость*” и которая в действительности свойственна только старым, хорошо образованным и много жившим французам» <М. А. Алданов>; «– А хваленая *французская вежливость*, про которую протрубили на весь мир!» <К. М. Станюкович>.

[5] Словарь русских народных говоров. Вып. 25, Ленинград 1990, с. 224.

[6] Ю. Б. Воронцова, Словарь коллективных прозвищ. Who is who по-русски, Москва 2011, с. 345.

[7] В. И. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд, т. 4, Санкт-Петербург – Москва 1882, с. 305.

[8] В. М. Мокиенко – Т. Г. Никитина, Большой словарь русских поговорок, Москва 2008, с. 495.

[9] В. М. Мокиенко – Т. Г. Никитина, Большой словарь русских народных сравнений, Москва 2008, с. 704.

[10] Ю. Б. Воронцова, о. с. в сноске 6, с. 345.

[11] Ономастические картотеки Топонимической экспедиции Уральского университета (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).

доброго вина, как говорят *пылкие французы*» <А. И. Куприн>; «Немудреная авантюрная комедия, буквально до краев наполненная иронией, тем не менее, благодаря талантам актера и режиссера, дала образец *настоящего француза*: *легкого*, *дерзкого*, *остроумного*, одновременно *лиричного* и *героичного*» <В. Быков, О. Деркач>.

В последнем контексте указаны и другие качества, обозначения которых в литературном языке устойчиво сочетаются с изучаемым этнонимом: *французская веселость*, *французское* (*галльское*) *остроумие*, *французская легкость*.[12)] Легкость переходит во *французское легкомыслие* и *французскую ветреность*. Легкомыслие порождает необязательность, ср. жарг. студ. *французский отпуск* ‘пропуск занятий без уважительной причины’.[13)] Ветреность «рифмуется» с таким ярчайшим качеством француза, приписываемым ему наивным языковым сознанием, как готовность к любовным похождениям и сексуальность.

На уровне языковой номинации сексуальность отражена в выражении *французский поцелуй*: поцелуй, при котором допускалось «влагать язык», в русских текстах XVIII в. получил название *французского*, а в XIV в. (судя по текстам покаянных сборников) он назывался *татарским*.[14)] Это объясняется сменой представлений об источнике вредных иностранных влияний. В современном русском жаргоне фиксируется целый ряд других номинаций, преимущественно вульгарных, которые развивают тему французской сексуальности: *что ты рвешься, как француз в койку* ‘не торопись, успокойся’,[15)] угол. *Французский сеанс* ‘групповой акт онанизма’, молод. *французская шапочка* ‘презерватив’,[16)] *француз* ‘минетчик’, молод. ‘половой орган’[17)] и др. В литературном языке есть сочетание *французская любовь* ‘оральный секс’: «<…> любовник ей фильдеперсовые чулочки подарит. Да ведь сколько за этот фильдеперс ей

[12)] «*Французская веселость* жива, остра, легка и насмешлива» <М. Н. Загоскин>; «Ничего нет несноснее, обременительнее, и притом ничего нет реже, как глупый, тяжелый француз, а во сто раз хуже, скажу омерзительнее, как немецкий фанфарон, подражающий *французской легкости* и *остроумию*» <Ф. В. Булгарин>; «Для Льва Ильича эта великая мысль всего лишь проявление “*галльского*” *остроумия* <…>» <С. Резник>.

[13)] В. М. Мокиенко – Т. Г. Никитина, о. с. в сноске 8, с. 471.

[14)] Н. Л. Пушкарева, «Мед и млеко под языком у нее». (Женские и мужские уста в церковном и светском дискурсах России X – начала XIX в.), Тело в русской культуре, Москва 2005, с. 86.

[15)] В. С. Елистратов, Толковый словарь русского сленга, Москва 2007, с. 469.

[16)] В. М. Мокиенко – Т. Г. Никитина, о. с. в сноске 8, с. 602, 746.

[17)] В. М. Мокиенко – Т. Г. Никитина, Большой словарь русского жаргона, Санкт-Петербург 2000, с. 632.

издевательств надо вынести. Ведь он ее не каким-нибудь обыкновенным способом, а подвергает *французской любви*» <М. А. Булгаков>.

Характерным образом реагируют на эту тему русские говоры: в них, разумеется, нет обозначений разных видов любовных утех, но есть наименование той, кто им предается, нарушая общественную мораль: олон. *фрянка* ‘распутная женщина’.[18)] В литературном языке отмечается более «пристойный» вариант подобного женского поведения, ср. устойчивое сочетание *французская кокотка* (устар. *кокотка* ‘женщина легкого поведения, находившаяся на содержании у своих поклонников’), фиксируемое в текстах XIX в.: «Даром что бывшая жена акцизного, а смотрит *настоящей французской кокоткой*» <П. Д. Боборыкин>. Наименование столицы Франции тоже не обходится без обсуждаемых коннотаций: *париж* ‘непристойное, злачное место’: «Наконец в одном *париже*, Там, где нравы сплошь бесстыжи, С удивленьем – ё-моё! – он увидел вдруг ее» <А. Брехунов>.[19)]

Наконец, следует сказать о языковых фактах, в которых содержится общая оценка французов. Обобщенная негативная характеристика представлена в пск. *дрянный, как француз* ‘об очень плохом, дрянном человеке’.[20)] Французы воспринимаются как ярко выраженные чужаки, потому соответствующее коллективное прозвище могут получать жители русских деревень, имеющих разительные отличия от соседей. Например, к прозвищу *французы*, которое носят жители Андреичевского сельского совета Шенкурского р-на Архангельской обл., их соседи дают такой комментарий: «Французы – у них как отдельная республика была – французская».[21)] Другие *французы*, проживающие в деревне Лямца Онежского р-на Архангельской обл., параллельно называются *Турция*: это говорит об общей коннотации «чуждости», присущей данным прозвищам.[22)]

Сходные коннотации проявляются в ироничных жаргонных обозначениях «новобранцев» (угол. *француз* ‘вновь прибывший, неопытный заключенный’, ‘осужденный, отбывший менее трех лет лишения свободы’)[23)] или же представителей социума, который оценивается номинаторами как более низкий, чем их

[18)] Г. И. Куликовский, Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении, Санкт-Петербург 1898, с. 127

[19)] Е. С. Отин, Словарь коннотативных собственных имен, Донецк 2004, с. 271.

[20)] В. М. Мокиенко – Т. Г. Никитина, о. с. в сноске 9, с. 716.

[21)] Ю. Б. Воронцова, о. с. в сноске 6, с. 345.

[22)] Ю. Б. Воронцова, о. с. в сноске 6, с. 345.

[23)] В. М. Мокиенко – Т. Г. Никитина, о. с. в сноске 17, с. 632.

собственный (угол. *парижанин* ‘сельский житель, приезжий из сельской местности’, ‘колхозник’[24]).

Французский язык. Восприятие русского человека во многом сформировалось и менялось под влиянием политической конъюнктуры, начиная с наполеоновского похода в Россию, затем военного присутствия русской армии во Франции в 1813–1815 гг., а потом во время Крымской и Первой мировой войны.

Языковой портрет русского – это прежде всего портрет солдата со всеми его достоинствами и недостатками. *Russe* – человек ‘мощный, крепкий и брутальный’ (мозел.).[25] *Russe* описывается и как ‘злой, жестокий’ (Дофине),[26] а также ‘грубый, несговорчивый’ (прованс.).[27] Эти отрицательные качества до такой степени концентрируются в образе русского, что во фразеологизмах он может выступать мерилом дурного начала, как, например, во французском диалекте острова Джерси, где фиксируется сравнение *mauvais comme un Russe* (дурной как русский) с любопытным вариантом, используемым применительно к ребенку, – *mauvais comme un p’tit Russe* (дурной как русский малыш).[28]

В провансальском диалекте Керси выражение *Acos un Russo* [Это русский] относится к человеку с тяжелым характером. Здесь же «русскому» могут приписываться и более конкретные значения ‘злобный, желчный’, как это следует из сравнения *carut coumo un Russo* (желчный как русский).[29]

В данном случае, вероятно, происходит аттракция *Russe* в значении ‘грубый, неотесанный’ к франц. *rustre* и диалектным формам *russe, russo* (Виваре), *ruste* (Але) ‘грубый’, восходящим к лат. *rusticus* ‘деревенский’.[30]

---

[24] В. М. Мокиенко – Т. Г. Никитина, о. с. в сноске 17, с. 420.

[25] L. Zéliqzon, Dictionnaire des patois romans de la Moselle, vol. 1, Saverne 1922, c. 460.

[26] W. von. Wartburg, Französisches Etymologisches Wörterbuch. Bd. 20, Leipzig – Bonn – Bâle 1928–2002, c. 45.

[27] F. Mistral, Tresor dòu Felibrige ou Dictionnaire Provençal-Français embrassant les divers dialectes de la langue d’oc moderne, t. 2, G–Z, Raphèle-les-Arles 1878, c. 824.

[28] F. Le Maistre – A. L. Carré, Dictionnaire jersiais-français. Vocabulaire français-jersiais, Jersey 1966, c. 465.

[29] H. Gaidoz – P. Sébillot, Blason populaire de la France, Paris 1884, c. 375–376.

[30] W. von. Wartburg, Französisches Etymologisches Wörterbuch. Bd. 10, Leipzig – Bonn – Bâle 1928–2002, c. 592. Эта память языка о латыни позволяет в определенной исторической ситуации «втянуть» русских в семантическое поле «деревни», тем самым превратив их из завоевателей в спасителей. Так, в автобиографическом тексте «Записка г-на Бейля о себе самом» Стендаль рассказывает, как аристократическая партия в Гренобле в 1799 г. призывала русских освободителей цитатой из Горация: «O Rus, quando ego te aspiciam!» (О деревня, когда я увижу тебя!).

Русский мог обозначаться наряду с общелитературным *Russe* и как *Russien*, хотя уже в XIX веке последняя форма воспринималась как устаревшая. Столь же популярными (особенно среди французских солдат в Первую и Вторую мировую войну) были жаргонные обозначения с псевдорусскими окончаниями, образованные от этнонима (*Rousse*, *Rousski*, *Roussky*, *Ruskov*, *Ruscof*, *Russkoff*), а также и *camarade Rousski* (товарищ русский).[31)] Кроме того обозначением русского мог стать антропоним *Popov* (*Popoff*).

Семантическая доминанта жестокости характерна в еще большей мере военному «двойнику» русского – казаку см.,[32)] недаром русский может быть охарактеризован как «казацкая порода» – *espèce de Cosaque*, ср.: «Il se souvint d'avoir rivé son clou, et vertement, à une espèce de Cosaque, un certain Mi... Milanof» (Он вспомнил, что ему уже приходилось причем довольно резко заткнуть глотку казацкой морде некому Ми… Миланову) <A. Daudet>. Наряду с такими значениями *Cosaque*, как 'обитатель южных областей России' или 'солдат русской армии', во французский язык со времен наполеоновских войн вошли и значения 'страшный, жестокий персонаж', 'человек жестокий и злой' (ср. литер. *féroce comme un Cosaque* /жестокий как казак/), а также 'мародер', 'хам', 'брутальный и невоспитанный человек',[33)] как это следует из контекста: «Je ne parle ici que des voleurs profès, qui sont les *cosaques* réguliers de notre civilisation. Quant au paysan qui vole une gerbe, ce sont là des *cosaques* irréguliers, de purs accidents» (Я имею в виду только профессиональных воров, которые являются регулярными казаками нашей цивилизации. Что же касается крестьянина, укравшего сноп, то это нерегулярные казаки, воры по чистой случайности) <E.-F. Vidocq>. Следствием этих «девиантных» характеристик персонажа представляется и такое значение *cosaque*, записанное в департаменте Ла-Манш: 'человек, которому нельзя доверять'.[34)]

Cosaque, реже *Russe*, становится обобщенным образом врага, в зависимости от контекста ассоциирующимся либо с народом, с которым Франция находится в состоянии прямой или скрытой конфронтации, либо с нечистой силой. Первый случай представляет собой устойчивое выражение, которое произносится в конце еды, когда допивают последнюю бутылку или доедают последний кусок:

[31)] A. Dauzat, L'argot de la guerre d'après une enquête auprès des officiers et soldats, Paris 1918, c. 160; Le Trésor de la Langue Française informatisé (TLFI) (http://www.cnrtl.fr).
[32)] Г. И. Кабакова, Свечкоед: образ казака во французской культуре XIX в, Новое литературное обозрение 34, 1998, с. 55–77.
[33)] H. France, Dictionnaire de la langue verte: archaïsmes, néologismes, locutions étrangères, patois, Paris 1907, c. 66.
[34)] R. Lepelley, Dictionnaire du français régional de Basse-Normandie, Paris 1989, c. 51.

литер. *Encore un que les Cosaques n'auront pas*, диал. *An val ink qu' les cosèque n'èront m'* (мозел.), *enco iun qu'les Cosaques n'arontme* (флоран.) (Вот еще один, который не достанется казакам),[35] впрочем, более популярными являются варианты, упоминающие более традиционных врагов – немцев, реже англичан (*Encore un que les Allemands* / *que les Boches* / *que les Prussiens* / *que les Anglais n'auront pas*; *toujours ça que les Boches n'auront pas*) (Вот еще один, который не достанется немцам, фрицам, прусакам, англичанам). Второй случай представляет собой выражение *envoyer aux russes* (послать к русским), записанное в департаменте Эр и Луара, которое значит 'избавиться от назойливого человека'.[36] Закономерно и окказиональное использование лексем *Russe*, *Cosaque*, *Moscovite* в контексте ругательств: *vieux Moscovite* (старый москвич) 'мерзавец' (фам.),[37] *mille pétards d'foutu cochon d'empaillé cosaque!* (тысяча петард чертовой свиньи чучела казака) 'тысяча чертей в дышло гребаный казак' <G. Frison>.

Метонимически определение *cosaque* может быть распространено и на весь политический строй России, которую считают авторитарной, консервативной, противостоящей республиканскому, демократическому началу, что впервые было сформулировано Наполеоном в 1816 г.: «L'Europe sera républicaine ou *cosaque*» (Европа будет республиканской или казацкой), а затем в эпоху Николая I развито Виктором Гюго: «Cet écroulement des trônes, ce sera le Czar qui l'aura causé. L'Europe *cosaque* aura fait surgir l'Europe républicaine» (Крушение тронов вызовет царь. Казацкая Европа пробудит к жизни республиканскую Европу) <V. Hugo>. И сегодня в контексте негативного восприятия современной России журналисты все чаще называют ее *pays des Cosaques* (страна казаков).

Воинственный образ казака оказывается необычайно живучим и имеет тенденцию распространяться и на другие исторические эпохи, и на иные социально-политические контексты. Так, казаками называли русские части в составе армии Власова, причем в диалекте Верхней Соны, где отмечено это словоупотребление, синонимом слова *cosaque* оказывается *Mongol* (монгол).[38] Казак воспринимается и как персонаж, нарушающий нормы социального поведения, отсюда и одно из многочисленных обозначений штрейкбрехера – *cosaque*, которое

---

[35] L. Zéliqzon, о. с. в сноске 25, с. 160; W. von. Wartburg, о. с. в сноске 26, с. 39.
[36] A. Dud'huit – A. Morin – M. R. Simoni-Aurembou, Trésor du parler percheron, Mortagne au Perche 1979, с. 147.
[37] E. Büchi, Les Structures du «Französisches Etymologisches Wörterbuch»: Recherches métalexicographiques et métalexicologiques, Tübingen 1996, с. 220.
[38] J.-P. Chambon, Eléments du français parlé à Ronchamp (Haute-Saône) et dans ses environs à la fin du XX^{e} et au début du XXI^{e} siècle, Richesses du français et géographie linguistique, 1, Bruxelles 2007, с. 262.

оказывается в одном ряду с другими ксенофобными прозвищами вроде *bédouins*, *italiens*, *piémontais*, *sarrasins* и т. д.[39)]

Часто казак воспринимается как глупец, что также вписывается в образ недалекого вояки, как следует из устойчивого выражения *prendre quelqu'un pour un cosaque* (держать кого-либо за казака) и его варианта *prendre quelqu'un pour un Allemand* (держать кого-либо за немца) 'держать кого-либо за дурака'.[40)]

На общем негативном фоне появляются и редкие положительные коннотации: так, *cosaque* 'казацкий' может означать и крепкое телосложение,[41)] луженый желудок и отважное сердце, ср. «J'ai voyagé avec le Comte Branicki... C'est un cœur et un estomac cosaque, qui digèrerait du lion et du chameau» (Я путешествовал с графом Браницким. У него казацкое сердце и желудок, он переварит и льва, и верблюда) <P. Mérimée>. Отметим также выражение *estomac cosaque,* означающее 'отменный аппетит'.[42)]

Дальнейшее семантическое развитие термины *Russe* и *Cosaque* получили в военном арго солдат и высшей военной школы Сен-Сир. В жаргоне времен Первой мировой войны *russe* – это 'новобранец'. По одной из гипотез, данное значение могло быть заимствовано из разг. нем. *er ist ein Russe* (он русский) 'он неповоротливый', 'отдувается за всех'. Однако присутствие в солдатском языке синонимов с той же ксеномотивацией (*boche* 'солдат, прибывший в подкрепление') заставляет усомниться в этой версии.[43)] Со значением 'новобранец', 'салага' связано и выражение, которое может использоваться и вне военной среды: *en baver (en chier) comme un /des russe(s)* (вкалывать, пахать, как «русский» / «русские»), ср. «Même les anciens l'acceptèrent. Je n'eus à subir qu'un minimum de réflexions désagréables telles que: «Les *Russes*, c'est fait pour en chier», ou «Tu crevais donc de faim chez toi que tu t'es vendu!» (Даже старослужащие приняли меня. На мою долю достался самый минимум малоприятных замечаний вроде: «"Русские" существуют, чтобы вкалывать» или «Ты что, с голоду помирал у себя, что решил продать свою шкуру?».[44)]

[39)] M. Tournier, Couleurs, fleurs et drapeaux dans les débuts de la Troisième République, Mots. Les langages du politique, № 81, 2006. URL: http://mots.revues.org/17093

[40)] W. von. Wartburg, о. с. в сноске 26, с. 39.

[41)] Мотив крепкого телосложения развивается и в бранном выражении *côsaque* 'вираго' (льеж.) (W. von. Wartburg, о. с. в сноске 26, с. 39.).

[42)] TLFI, о. с. в сноске 31.

[43)] G. Esnault, Le poilu tel qu'il se parle: dictionnaire des termes populaires, récents et neufs, employés aux armées en 1914–1918, étudiés dans leur étymologie, leur développement et leur usage, Paris 1919, с. 477.

[44)] http://www.languefrancaise.net/Bob/40214#35785]%23

С семантическим полем неприятностей путем аттракции может сближаться и *russe* ‘русский’. Так, в северных говорах встречаются выражения *faire des russes* ‘причинять неприятности’ (лилл.),[45] а также *prente dés russes*, *y s’doner dés russes* ‘хлопотать’ (валансьен.).[46] И хотя *russes* здесь восходят не к *russe*, а к нидерл. *ruzie* ‘распри, раздоры’, народная этимология предпочитает связать выражение с актуальной политической ситуацией, при которой русские выступают врагами Франции:

«A ch’t’heur’ nous savons bien qu’ les Russes
N’sont point si diables qui sont noirs;
Chaque’nuit, nous leu faijons des russes
Quand on sait qui dort’nt comme des loirs» (Теперь мы прекрасно знаем, что русские не такие уж черти, хотя и черные; каждую ночь мы им доставляем неприятности, поскольку знаем, что они спят, как сурки) <A. Desrousseaux>.[47]

Еще более широко для оценочного обозначения новичков в армии использовалось слово *cosaque*. Оно означает ‘солдат-неумеха’, ‘солдат, неправильно выполняющий приказы’, ‘неумелый офицер’, ‘неловкий курсант (Сен-Сира)’,[48] но оно может быть и прилагательным с тем же значением ‘неловкий, особенно на учениях’.[49] Как и *russe*, термин *cosaque* также может быть использован курсантом старшего курса летного училища в качестве снисходительного обращения к более младшему.[50] То же значение актуализируется в выражении *avoir l’air cosaque* ‘иметь вид новичка; быть скованным’, ср. «On *a l’air cosaque* jusqu’au pékin de melon, c’est-à-dire jusqu’au jour où on devient ancien» («Казаком» (новичком) остаются до банкета в конце первого курса, т. е. когда становятся «дедом»).[51] Со значением *cosaque* ‘неумеха’ связан и глагол *cosaquer* ‘совершить оплошность’, и производный глагол, обозначающий процесс воспитания новобранца, – *décosaquer* ‘муштровать (новобранца)’.[52]

Возможно, что именно со статусом «салаги» связано выражение *régime de cosaque* (казацкий режим) ‘нечто трудно выносимое’: «Sans parler des douches écossaises que ça comporte, un interrogatoire! L’espoir qui renaît qui s’en va. Et qui revient bientôt, pour repartir aussi sec. C’est un *régime de cosaque*» (Не говоря уже о

---

45) L. Vermesse, Vocabulaire du patois lillois, Lille 1861, с. 166.
46) G. Hécart – J. Ransart, Dictionnaire rouchi-français, Valenciennes 1834, с. 419.
47) L. Vermesse, о. с. в сноске 45, с. 166.
48) A. Dauzat, о. с. в сноске 31, с. 208; P. Perret, Le parler des métiers, Paris 2002, с. 915.
49) J.-M. Cassagne, Le dictionnaire de l’argot militaire, Paris 1994, с. 64.
50) P. Perret, о. с. в сноске 48, с. 642.
51) P. Eudel, L’argot de Saint-Cyr, Paris 1893, с. 15.
52) TLFI, о. с. в сноске 31.

состоянии, когда тебя кидает из жара в холод, без чего не обходится ни один допрос. Только что возникшая надежда пропадает. Потом возвращается и снова исчезает. Это невыносимо /букв. «казацкий режим»/).[53)]

С «военными» значениями слова *cosaque* соотносятся и дериваты, описывающие либо жестокие, либо беззаконные, либо неловкие действия: *cosaquante*, *cosaquerie* ‘ошибка, промах’ (воен. арго),[54)] *cosaquerie* ‘неожиданный быстрый набег, заканчивающийся грабежом’ и метонимически всякий ‘жестокий поступок’, в том числе ‘жестокость, совершенная исключительно из желания причинить зло’.[55)] С «милитаристской» темой связан и глагол *cosaquer* ‘атаковать на казацкий лад’, ‘оглушить’ (париж.), *kozaka* ‘убить’ (швейц. Ле Планшет)[56)] и соответствующее причастие прошедшего времени (*être*) *cosaqué* ‘быть взятым в плен казаками’, *cosaquée* ‘быть изнасилованной казаками’ (арден.)[57)] и *kèsaqué* ‘(стать) жертвой обращения наподобие казацкого’ (мозел.).[58)]

Характерно, что *cosaque* в его военно-жаргонном варианте проник и в Африку, где развил новые значения, логически связанные с описанным семантическим полем. Так, в Республике Конго, бывшей колонии Франции, отмечены *cosaque* ‘человек, совершивший предосудительный поступок, правонарушение’, *cosaquer* ‘отлынивать от работы’, ‘совершать правонарушение’.[59)]

Во французском языке за русскими людьми закрепились некоторые поведенческие стереотипы, напоминающие гусарские замашки. И сегодня по-прежнему используется выражение *boire à la russe* (пить по-русски), что означает ‘выпивать одним глотком водку’: «Rouletabille et Natacha ne firent que tremper leurs lèvres dans la *votka*, mais Féodor et Matrena *burent* leur eau-de-vie *à la russe*, d’un seul coup, haut le coude, la vidant à fond et en envoyant carrément le contenu au fond de la gorge» (Рультабий и Наташа лишь пригубили водки, а Федор и Матрена выпили водку на русский манер, осушив ее до дна и проглотив ее одним махом) <G. Leroux>. При этом иногда предполагается что, осушив рюмку, надо бросить ее через плечо. «Казацкий» же модус поведения в застолье

[53)] http://languefrancaise.net/bob/detail.php?id=46540
[54)] P. Perret, o. c. в сноске 48, c. 915.
[55)] W. von. Wartburg, o. c. в сноске 26, c. 39; TLFI, o. c. в сноске 31.
[56)] W. von. Wartburg, o. c. в сноске 26, c. 39.
[57)] G. Raillet, Les mauvais souvenirs de l’histoire dans le langage populaire, La Grive, № 95, 1957, c. 31.
[58)] W. von. Wartburg, o. c. в сноске 26, c. 39.
[59)] O. Massoumou, Pour une typologie des néologies du français au Congo-Brazzaville, Le français en Afrique, № 15, 2001, c. 133–168. URL: http://www.unice.fr/bcl/ofcaf/15/Massoumou.html.

проявляется иначе: *manger en cosaque* (есть как казак) значит ‘есть жадно и неопрятно’.[60)]

В литературном языке встречаются выражения *embrasser à la russe* (целоваться по-русски), *baiser (à la) russe* (русский поцелуй), что отсылает к предполагаемому этикетному обычаю русских целоваться в губы в виде приветствия.

Брутальность поведения в разных ситуациях, в том числе и в сексуальной сфере, регулярно описывается через образ казака: «на казацкий лад», «по-казацки» (*en cosaque*, *à la cosaque*), ср. *faire l’amour à la cosaque* (заниматься любовью на казацкий лад). При этом «казацкое» или «гусарское» (*à la hussarde*) поведение может характеризовать не только мужчин, но и женщин.[61)]

Болезни

Русский язык. Наиболее глубокие корни в разных формах существования русского языка пустили выражения, называющие то, что становится, по народным представлениям, следствием любовных развлечений, – венерические заболевания: простореч. *французская болезнь* ‘сифилис’,[62)] жарг. *парижский*, *французский насморк* ‘гонорея, или триппер’,[63)] влг. *францы́*, *хра́нци* ‘венерические язвы’,[64)] влг., южн. *хра́нц(ы)и*, *фра́нец*,[65)] смол. *пра́нец*, смол., брян. *пра́нцы* ‘сифилис’,[66)] олон. *фря́нка*, *фря́нки* ‘сифилис’[67)] и др.[68)] Сифилису приписывает-

---

[60)] H. France, о. с. в сноске 33, с. 384.

[61)] «Soulever, au moins, cette ombre qui s’est couchée sur moi depuis huit mois, ce doux Soviétique aux yeux verts, à qui j’ai appris à *faire l’amour* autrement qu’en *cosaque*» (Хотя бы приподнять эту тень, что легла на меня уже восемь месяцев как, этого нежного советского зеленоокого (юношу), которого я научила заниматься любовью не только казацким способом) <A. Ernaux>.

[62)] Словарь современного русского литературного языка, т. 16, Москва 1964, с. 1555–1556.

[63)] В. В. Химик, Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи, Санкт-Петербург 2004, с. 359.

[64)] Словарь областного вологодского наречия. По рукоп. П. А. Дилакторского 1902 г., Санкт-Петербург 2006, с. 536, 544.

[65)] В. И. Даль, о. с. в сноске 7, с. 564.

[66)] Словарь русских народных говоров. Вып. 31, Санкт-Петербург 1997, с. 67–68.

[67)] Г. И. Куликовский, о. с. в сноске 18, с. 127.

[68)] М. Фасмер рассматривает эти слова (приводя также др.-рус. *френчуга* ‘то же’) в статьях *фрянка*, *пранец* и *хранец*, указывая, что названия эти восходят к **франка*, собственно ‘француз’, ‘французская болезнь’ (в слове *фрянка* гиперграмматическое *-ря-*; формы *пранец* и *хранец* отражают регулярные фонетические процессы). М. Фасмер, Этимологический словарь русского языка, т. 4, Москва 1973, с. 208, 273; М. Фасмер, Этимологический словарь русского языка, т. 3, Москва 1971, с. 353.

ся «французское происхождение» не только русским языком, но и другими языками Европы (см.),[69] и это объясняется не реальными обстоятельствами (Франция страдала от эпидемий сифилиса наряду с другими европейскими странами), а скорее стереотипом француза как любителя любовных приключений и «вояки» (ср. жарг. *гусарский насморк* ‘сифилис’); кроме того, присущий болезни симптом «гнусавости» сопоставляется с типичным французским «прононсом». «Лингвистическую ответственность» за распространение сифилиса с французов снимают иные отэтнонимические и оттопонимические обозначения этой болезни: рус. сиб. *немцы* ‘о сифилитических язвах на коже’, вят. *татарская оспа* ‘сифилис’, польск. *łamanie włoskie* («болезнь итальянская»), *niemoc niepolitańska*, англ. *Irish button* («ирландская пуговица»), нем. *spanische Krankheit* («испанская болезнь»), итал. *marocchinato*, порт. *mal de Castilla*, *mal de Napoles* и др. ‘то же’, подробнее см.[70]

Упомянем об еще одном названии «французской болезни», мотивация которой неизвестна: казан. *хранцузская скорбь* ‘болезнь, которая, по объяснению одной старушки, бывает у людей, пьющих дорогую траву, а какую – она не может назвать’.[71]

Французский язык. «Русской болезнью» (*maladie russe*) или «русским катаром» (*catarrhe russe*) называли во Франции эпидемию гриппа 1782 г., пришедшую, как считали, «с Севера», т. е. из России, а в действительности из Китая.[72]

ВНЕШНИЙ ВИД

Русский язык. Разные формы существования русского языка обращают внимание на такую «портретную» черту француза, как ноги. Так, фиксируется прозвище *Французская Ножка*, которое носит жительница деревни Яреньга Приморского р-на Архангельской обл.[73] Сочетание *французские ножки* известно русскому просторечию, хоть и не отмечено словарями, ср. Определение, данное при обсуждении пользователями сети Интернет: *французские*

---

[69] Е. Л. Березович, Язык и традиционная культура. Этнолингвистические исследования, Москва 2007, с. 440–441.
[70] Е. Л. Березович, о. с. в сноске 69.
[71] Картотека Словаря русских народных говоров (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург).
[72] J.-P. Pétrequin, Recherches pour servir à l’histoire générale de la grippe de 1837 en France et en Italie, présentées à l’Académie royale de médecine le 19 décembre 1837, La gazette médicale de Paris, 1838; K. Sprengel, Histoire de la médecine depuis son origine jusqu’au dix-neuvième siècle. Vol. 5, Paris 1815, c. 596–597.
[73] Ономастические картотеки…, о. с. в сноске 11.

ножки ‘худенькие, но не худые, без ярко выраженной икры, с узкой щиколоткой’.[74] О выделенности этого сочетания говорит и терминология виноделия, где оно употребляется в переносном значении: *французские ножки* ‘один из визуальных критериев оценки качества вина: своеобразный след, оставляемый вином на стекле бокала на несколько неуловимых мгновений’.[75] В молодежном жаргоне данное сочетание фигурирует в составе более развернутой конструкции: *французские ножки с итальянским изгибом* ‘о кривых ногах’.[76] На эту «анатомическую» деталь обращает внимание также В. И. Даль: «У немца (француза) ножки тоненьки, душа коротенька»;[77] *суповы ножки* ‘дразнят немца, француза’.[78]

Из других портретных черт можно назвать *французский (галльский) нос* – с горбинкой: «<…> в магазин вошел очень красивый молодой человек с черными глазами и горбатым *французским носом*» <И. Ильф, Е. Петров>; «*Нос* у канотье как изнутри пальцем выпихнут, но не *галльский*» <М. Цветаева>.

В народных прозвищах выделяется такая подробность, как золотые зубы француза, ср.: *Француз* – житель деревни Куданга Никольского р-на Вологодской обл.: «Зуб у него есть золотой, блестит, вот и Француз»; *Француз*ка – жительница деревни Берзиха Шарьинского р-на Костромской обл.: «У Француз ки два золотых зуба».[79] Очевидно, эта деталь появилась как развитие представлений о французском шике, богатстве, блеске: *французский блеск* оставляет своеобразный отблеск в народном сознании, проникая даже в весьма неожиданную сферу соматики.

Французский язык. Представление о внешнем виде русского в литературном языке не отличается конкретикой. Языковые стереотипы сводятся к немногочисленным клише. Так, можно встретить упоминания о «русской красоте» (*beauté russe*), разумеется, женской: «[Armance] était remarquable par ce que j’appellerais, si je l’osais, la *beauté russe*: c’était une réunion de traits, qui tout en exprimant à un degré fort élevé une simplicité et un dévouement que l’on ne trouve plus chez les peuples trop civilisés, offraient, il faut l’avouer, un singulier mélange de la beauté circassienne la plus pure et de quelques formes allemandes un peu trop prononcées» (Ее красоту я не побоялся бы назвать чисто русской, ибо в ней сочетались черты,

---

[74] http://otvet.mail.ru/question/70416249
[75] http://www.dunduk-culinar.ru/dessert/dessert-21.shtml
[76] В. М. Мокиенко – Т. Г. Никитина, о. с. в сноске 8, с. 446.
[77] В. И. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд, т. 1, Санкт--Петербург – Москва 1880, с. 505.
[78] В. И. Даль, о. с. в сноске 7, с. 362.
[79] Ономастические картотеки…, о. с. в сноске 73.

которые, с одной стороны, говорили о полном простодушии и способности к беззаветной преданности, каких уже не сыскать у слишком цивилизованных народов, а с другой, надо признаться, являли странную смесь истинно черкесской красоты с некоторыми особенностями немецкого типа, притом слишком рано проявившимися) <Stendhal>. Метафорически «русская красота» (*beauté russe*) становится обозначением русской красавицы. В этот обворожительный образ входит также «русский шарм» (*charme russe*), который, впрочем, чаще обозначается как «славянский» (*charme slave*).

Язык

Русский язык. Яркая характеристика француза – его язык. В литературной языковой традиции особо отмечены в первую очередь произносительные особенности французской речи – *французский прононс*: «С *французским прононсом*, в отличие от самого языка, у меня было все в порядке» <Н. Пеньков>. Выделена такая деталь «прононса», как грассирование, ср. устойчивые сочетания *французское* (*галльское*) *грассирование*, *французская картавость*, *картавить по-французски*, а также прозвище *Француз*, данное человеку, речь которого отличается картавостью (Республика Коми).[80)] По всей видимости, именно эта черта способствовала появлению следующей «межэтнонимической» номинации: жарг. *француз* ‘еврей’[81)] (*еврейская картавость* известна не меньше *французской*). Косвенную характеристику получает и французское произношение «в нос»;[82)] представление о нем отражено, по всей видимости, в жаргонном названии гонореи – *французский* (*парижский*) *насморк*[83)] (о причинах появления этого сочетания подробнее см. выше, в рубрике «Болезни»). Французская речь кажется быстрой, ср. *Француз* – прозвище быстро говорящего юноши, которого трудно понять (Республика Коми).[84)]

Эти особенности были известны русскому обществу XIX в. не понаслышке: редкий дворянин не знал французского языка, что порождало привычку *францу́зить* – ‘вставлять в речь французские слова и выражения’;[85)] ср. также слово из языка старой Москвы: *француз* ‘распространенная кличка (у парик-

---

[80)] Х. Вальтер – В. М. Мокиенко, Большой словарь русских прозвищ, Москва 2007, с. 566.
[81)] В. М. Мокиенко – Т. Г. Никитина, о. с. в сноске 17, с. 632.
[82)] Ср.: «*По-французски* надо говорить, сощипнув нос, по-английски, положив перемот на язык» (В. И. Даль, о. с. в сноске 7, с. 285).
[83)] В. В. Химик, о. с. в сноске 63, с. 359.
[84)] Х. Вальтер – В. М. Мокиенко, о. с. в сноске 80, с. 566.
[85)] В. С. Елистратов, Язык старой Москвы: Лингвоэнциклопедический словарь, Москва 2004, с. 642; Словарь…, о. с. в сноске 62, с. 1555.

махеров) человека, который может имитировать французскую речь': «Если парикмахер французские слова или говорить знает, большая ему цена в хороших купеческих домах. Зовут даже на балы и велят в передней громко с прислугой разговоры произносить, чтобы все слышали. <…> Очень удобно, если два промеж себя по-французски спорят. Можно что и приврать, понимающих-то нет! У нас Степан бормотать целый час может, а кто его знает что! <…> Его у нас *французом* зовут» <Е. Иванов>.[86)] Подобные прозвища встречались не только в среде парикмахеров. Известно, к примеру, что Пушкина называли в лицее *Французом* за умение хорошо говорить по-французски.

Массовое изучение и использование французского языка породило явление, которое отражено в известном сочетании *французское с нижегородским* (это крылатая фраза из комедии Грибоедова «Горе от ума»): так обозначается смесь различных языков (в которой возможно, но уже необязательно участие французского) или языковых пластов – как правило, неумелая и неуместная.

УРОВЕНЬ ЖИЗНИ, БЛАГОСОСТОЯНИЕ

Русский язык. Народная традиция приписывает французам достаточно высокий уровень жизни, ср. костр. *по-хранцузски жить* 'жить богато, не нуждаясь'.[87)] Об этом же косвенно свидетельствуют параллельные коллективные прозвища *французы* // *мещане*, называющие жителей села Павловское Вельского р-на Архангельской обл. по представлениям крестьян, мещане жили хорошо, «по-городскому».[88)]

Французский язык. Изредка «русский» и «казак» оцениваются с точки зрения их состоятельности. При этом «русский» может ассоциироваться как с богачом, так и с босяком, а «казак» – только с бедняком. Так, в жаргоне парижских проституток 1870–1880-х гг. *prince russe* (русский князь) означал богача, «содержателя».[89)] В диалекте Верхней Бретани русский, наоборот, считался воплощением бедности, там использовали устойчивое сравнение *gueux comme*

[86)] В. С. Елистратов, о. с. в сноске 85, с. 641.

[87)] Лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).

[88)] Ю. Б. Воронцова, о. с. в сноске 6, с. 345.

[89)] Стереотип русского князя-богача, не скрывающего свое богатство, активно присутствует и во французской литературе XIX века, наряду с казаком и фатальной русской красавицей. Как писал один автор середины века, «в России все немного князья» (Ch. Krauss, La Russie et les Russes dans la fiction française du XIX^{e} siècle (1812–1917), Amsterdam – New York 2007, с. 170.); A. Delvau, Dictionnaire de la langue verte, Paris 1883, с. 372.

Russe (оборванец как русский).[90] В свою очередь «донской казак» (*Cosaque du Don*) в жаргоне становится обозначением человека, выпрашивающего рождественскую подачку.[91]

В последние двадцать лет из русского во французский вошло понятие «нового русского». Соответствующее сочетание употребляется чаще во множественном числе (*nouveaux Russes*) как обозначение быстро разбогатевших людей, с удовольствием демонстрирующих свое богатство.

ИСТОРИЯ

Русский язык. Масштабное отражение получили события войны с Наполеоном, которая в просторечии называлась *француз*, *французское разорение*.[92] Слово *француз* (обычно в составе конструкций *до француза*, *с француза*, *после француза*, *во время француза* и др.) метонимически обозначало время этой войны, соответствующие контексты встречаются в XIX–нач. XX в., а затем они постепенно утрачивают свою дифференцирующую силу, уступая место указаниям на более «свежие» события: «Не умею сказать, сколько минуло тому лет, только это случилося давно, еще *до француза*» <Т. Г. Шевченко>; ср. также выражение *Это было, когда француз воевал* ‘о том, что было давно’.[93]

Народное историческое сознание, отраженное в мотивации географических названий, обнаруживает следы боев с французами в разных уголках страны. В первую очередь, конечно, такие топонимы фиксируются там, где были реальные бои: к примеру, в подмосковном городе Лыткарино есть *Французская Гора*, где, по легенде, захоронены французы; *Французская Могила* имеется в Рузском р-не Московской обл., *Французские Горки* – в Смоленском р-не Смоленской обл. etc. Есть «французская» топонимия и в тех зонах, где сражений быть не могло, – например, на Русском Севере, ср. мотивировки вологодских топонимов: урочище *Французова Новина́*: «Старики говорили, там бой был с французами» (Бабушкинский р-н, село им. Бабушкина);[94] поле *Французские Полосы*: «Будто бы шли французы, их тут побили, там и сейчас места боевые остались, в память о них и назвали» (Устюженский р-н, дер. Зыково).[95] Но, конечно, самыми памятными стали сражения под Москвой, запечатленные во фразеологии: устар. *пропасть* (*сгинуть*) *как француз в Москве* ‘о чьем-либо внезапном, полном и

---

[90] H. Gaidoz – P. Sébillot, о. с. в сноске 29, с. 375–376.
[91] H. France, о. с. в сноске 33, с. 66.
[92] В. С. Елистратов, о. с. в сноске 85, с. 641–642.
[93] В. И. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд, т. 2, Санкт-Петербург – Москва 1881, с. 129.
[94] Ономастические картотеки…, о. с. в сноске 73.
[95] Ономастические картотеки…, о. с. в сноске 73.

бесследном исчезновении’,[96] устар. *бежать, как бежал француз из Москвы* ‘о чьем-либо паническом бегстве, отступлении’.[97] Подобной фразеологией и паремиологией изобилует словарь В. И. Даля, ср.: *я тебя, как француза, живьем закопаю,*[98] *раскидал кости свои на чужбине, как француз*[99] и др.

Яркий «стоп-кадр» войны 1812 г. – изображение голодающих и замерзающих в России французов: простореч. устар. *как голодный француз* ‘об очень голодном, изголодавшемся человеке’,[100] *замёрзнуть как <замороженный> француз* ‘об очень замерзшем человеке’[101] *закутаться, как француз под Москвой* ‘о том, кто излишне тепло идет, укутался не по сезону, погоде’.[102] Представление о замерзающих французах отражено и в коллективных прозвищах: *хранцузики* – жители деревни Гора Бабаевского р-на Вологодской обл.: «Зимой шапки с длинными ушам налажали, мёрзли, как хранцузы. Вот и назвали их»;[103] *французы* – жители деревни Андричевская Вельского р-на Архангельской обл.: «“У-у, французы, худые шапки!”».[104]

Французский язык. Французский язык прочно сохранил воспоминания о русском присутствии во Франции в 1813–1815 гг. В частности, на востоке Франции, там, где русская армия вступала в сражения с французской, топонимика хранит память об этих битвах. В Монмирае (департамент Марна), где важное сражение произошло 11 февраля 1814 г., сохранились названия *Chemin des Cosaques*, *Champ des Cosaques*, *Bois des Cosaques* (Казачья Дорога, Казачье Поле, Казачий Лес), причем последние относятся к заброшенным карьерам, где были похоронены убитые солдаты.[105] Эти исторические события сохранились и в городских топонимах – например, *rue du Champ des Cosaques* (улица Казачье Поле) в Нойоне (департамент Уаза), долгое время оккупированном союзными войсками в марте 1814 г. Такого рода отзвуки присутствуют в эльзасских (немецких) микротопонимах. Так, в департаменте Верхний Рейн рядом с Сен-Круа расположен карьер *Kosackenloch* (Казачья Яма)

---

[96] В. М. Мокиенко – Т. Г. Никитина, о. с. в сноске 9, с. 716.
[97] В. М. Мокиенко – Т. Г. Никитина, о. с. в сноске 9.
[98] В. И. Даль, о. с. в сноске 77, с. 583.
[99] В. И. Даль, о. с. в сноске 89, с. 177.
[100] В. М. Мокиенко – Т. Г. Никитина, о. с. в сноске 9, с. 716.
[101] В. М. Мокиенко – Т. Г. Никитина, о. с. в сноске 9.
[102] В. М. Мокиенко – Т. Г. Никитина, о. с. в сноске 9, с. 718.
[103] Ю. Б. Воронцова, о. с. в сноске 6, с. 350.
[104] Ю. Б. Воронцова, о. с. в сноске 6, с. 345.
[105] J. Hantraye, Les sépultures de guerre en France à la fin du Premier Empire, Revue d’histoire du XIX^{e} siècle, 2005, № 30. URL: http://rh19.revues.org/1007

или *Kosakenfeld* (Казачье Поле), названный так потому, что в декабре 1813 г. там похоронили убитых в бою казаков.[106)]

***

Итак, в России и Франции в ходе истории под влиянием личных наблюдений, художественной литературы и прочих медиа сформировались весьма объемные и подробные языковые образы француза и русского. При этом в русской традиции можно обнаружить два варианта образа француза: литературный – более «галантный» – и народный – сниженный. Они не входят в противоречие, а скорее дополняют друг друга. Француз предстает как поверхностный, несерьезный, слегка хулиганистый, но, главное, крайне любвеобильный и сексуально озабоченный индивид. Отсюда и связанные с ним различные предосудительные с точки зрения русского народа формы секса, а также целый набор венерических заболеваний. Точно так же француженка воспринимается как доступная женщина. Справедливости ради стоит подчеркнуть, что такая репутация нередко приписывается французам и в других странах. Этот образ чего-то поверхностного и ветреного дополняется и отдельными чертами внешности, отраженными языком.

Напротив того, образ русского человека во французской традиции разделяется на три резко разведенных стереотипа. Первый стереотип, гораздо более укорененный и детально разработанный, чем другие, – образ солдата, сильного, жесткого и даже безжалостного. Самые крайние проявления мужской брутальности приписываются в еще болшей степени отрицательному двойнику русского – казаку. Именно эта семантика образа казака развивается и детализируется во множестве дериватов, относящихся к девиантному поведению. При этом русский и казак, воспринимаемые как чужеземцы-насильники, становятся воплощением врага. Второй стереотип менее разработан и возникает периодически – это русский богач, сорящий деньгами. И, наконец, последний, весьма общий женский стереотип, – это красавица, наделенная необыкновенным шармом.

При такой «несимметричности» восприятия русского и француза в обоих языках могут происходить отдельные семантические схождения: например, *француз* в уголовном жаргоне в русской среде и *Russe*/*Cosaque* в военном жаргоне во французском языке развивают вторичное значение ‘новобранец’, которое в свете военной истории прочитывается как реализация более общего значения ‘враг’, ‘чужак’.

[106)] G. Stoffel, Dictionnaire topographique du département de Haut-Rhin, Paris 1868, c. 96, 159; J. Hantraye, o. c. в сноске 105.

Преимущественно военный контекст знакомства с русскими во Франции кардинально отличается от двухсолетней «включенности» России в мир франкофонии, которая отразилась и на четком представлении о французском языке. В то же время французский язык практически не дает примеров метаязыковой рефлексии над русским. Русский язык, как и русский акцент, воспринимаются в самом общем виде, причем главной чертой считается раскатистое произношение «р». Некоторые детали можно найти только во французской драматургии, где в 1853 г. (в самый разгар антирусских настроений) пародировались окончания русских фамилий: в пьесе А.-Ф. Арно и Л. Жюдиси «Казаки» высмеивается язык «de tcheff, tchiff et tchoff» <A. Fr. Arnault, L. Judicis>.

И Россия, и Франция в значительной степени сохранили память о походе Наполеона и о последовавших за ним боевых действиях русской армии во Франции (1813–1815). Одни топонимы отразили эти реальные столкновения, другие, например, на территории Русского Севера, – воображаемые. Русский литературный язык, а в еще большей степени диалекты надолго сохранили образ поверженного француза, умирающего от холода.

Оценочная составляющая языковых образов неоднозначна – и ее трудно формулировать обобщенно. Она определяется, во-первых, историческим временем: к примеру, номинации, в которых так или иначе оказывается преломленным военное противостояние 1812 г., в русском языке носят негативно-оценочный характер. Во-вторых, на оценку влияет форма существования языка, в которой употребляется изучаемая лексика: к примеру, франкофонами были в первую очередь представители образованной части русского общества, дворяне, поэтому слова и фразеологизмы с мелиоративной оценкой более распространены в русском литературном языке, нежели в говорах. В целом русский язык дает более позитивную оценку французов, чем французский – русских.

Очевидно, бóльшая субъективность «русского» образа в сравнении с «французским» в какой-то мере объясняется и фактором языковой техники: франц. *Russe* ‘русский’ испытывает притяжение к словам типа *rustre*, диал. *russe*, *russo*, *ruste* ‘грубый’ (< лат. *rusticus* ‘деревенский’), к нидерл. *ruzie* ‘распри, раздоры’. Это обогащает коннотативный фон «русского». В то же время слово *француз* в русском языке, кажется, не вступает в процессы аттракции.

berezovich@yandex.ru
Department of Russian Language
and General Linguistics
Ural Federal University
51 Lenin av.,
6200 00 Ekaterinburg
RUSSIA

galina.kabakova@paris-sorbonne.fr
Department of Slavic Studies
Université Paris-Sorbonne
Bd. Malesherbes 108
75017 Paris
FRANCE